

УДК 947.083(092)

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ВАХТЕННОГО НАЧАЛЬНИКА ЛЕЙТЕНАНТА П.П. ШМИДТА

ЛИВЕНЦЕВ Дмитрий Вячеславович,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена неизвестным страницам восстания на крейсере «Очаков». Кроме того, уделяется внимание военно-морской истории России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восстание, флот, матросы, офицеры, «Очаков».

LIVENTSEV D.V.,
Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of the History of Russia,
Voronezh State Pedagogical University

UNKNOWN MEMORIES OF THE CHIEF LIEUTENANT P.P. SCHMIDT

ABSTRACT. The article is devoted to the unknown pages of the uprising on the cruiser «Ochakov». In addition, attention is given to the naval history of Russia.

KEY WORDS: the uprising, fleet, sailors, officers, «Ochakov».

Некоторые исторические события, имеющие всероссийское значение, при помощи воронежских архивных хранилищ с прошествием времени приобретают более взвешенную оценку современников. В данном случае речь идет о знаменитом восстании на крейсере «Очаков», матросы которого во главе с лейтенантом П.П. Шмидтом были презираемы до 1917 г., канонизированы в советское время и снова подвергнуты осуждению после 1991 г.

Может, именно в наши дни пришла пора взглянуть на восстание на крейсере 1-го ранга «Очаков» глазами его рядового участника. Такое восприятие возможно при исследовании личной папки Ивана Алексеевича Сазонова, бывшего строевого квартирмейстера (первое унтер-офицерское звание Российской Императорского флота) крейсера «Очаков», хранящейся в фонде 1171 Государственного архива Воронежской области (ГАВО).

Для того чтобы лучше понять воспоминания рядового участника восстания, давайте изложим ход событий на борту мятежного крейсера. Причем, насколько это возможно, постараемся избежать любой политической конъюнктуры.

Итак, крейсер первого ранга «Очаков» заказан в рамках судостроительной программы на 1895–1902 гг. и строился в Севастополе на Казённой верфи корабельным инженером Н. Янковским по проекту крейсера дальнего разведчика, разработанному немецкой судостроительной фирмой «Вулкан» [7]. Однотипные корабли – «Богатырь», «Олег» и «Память Меркурия». Для своего времени крейсер «Очаков» был одним из самых современных кораблей подобного класса, и его спуск на воду стал знаменательным событием для военных специалистов Российской Империи.

К сожалению, всероссийскую известность крейсера получил не в ходе боевых действий, а в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Беспорядки на крейсере «Очаков» начались с того, что команда 8 ноября 1905 г. вечером выразила недоверие своему командиру криком «Долой командира!» и на следующий день не ответила на его приветствие. В Севастополе собрался митинг, устроенный матросами и солдатами, где без особого повода пролилась первая кровь. Матрос К.М. Петров ранил контр-адмирала Писаревского и убил штабс-капитана армии Штейна. Его сначала было арестовали, но потом под нажимом революционно настроенных матросов выпустили на свободу.

11 ноября 1905 г. в Севастополе начался организованный социал-демократами мятеж среди матросов Флотского экипажа и солдат Брестского полка. За несколько часов к мятежу примкнуло свыше 2 тыс. матросов флотской дивизии, часть солдат 49-го Брестского полка, запасной батальон крепостной артиллерии и рабочих порта. Мятежники арестовывали офицеров, предъявляли политические и экономические требования властям. Одним из факто-

Рис. 1. Команда крейсера «Очаково»

ров для успешного развития мятежа стала растерянность командующего флотом адмирала Г.П. Чухнина, телеграфировавшего царю: «Положение безвыходное; матросы, вероятно, поставят какие-нибудь условия, которым придется подчиниться или распустить флот» [10].

Рис. 2. Вице-адмирал Г.П. Чухнин

Во время бесконечных митингов среди ораторов выделялся человек в форме лейтенанта военно-морского флота, говоривший о верности делу демократии, «о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября» [4]. Его имя было Пётр Петрович Шмидт.

Рис. 3. П.П. Шмидт

Он произносил речи, в которых обвинял царя в неполноте дарованных свобод, требовал освобождения политических заключенных и т.д. Личность Шмидта представляет для исследователей несомненный интерес в связи с той ролью, какую он сыграл в севастопольских событиях и, конечно, в мятеже на крейсере «Очаков».

Впоследствии он был превращен большевиками в очередную легенду, а надо сказать, что редкий офицер удостоивался такой чести со стороны большевиков.

Естественно, необходимо сказать несколько слов о биографии данной легендарной исторической личности, предшествующей восстанию на крейсере. П.П. Шмидт родился в 1867 г. в Одессе. Его дед – герой Севастопольской обороны, командир батареи на Малаховом кургане, отец умер в звании вице-адмирала. Мать была родом из князей Сквирских. Рано оставшись без матери, которую он горячо любил, Шмидт очень болезненно отнесся ко второму браку отца, посчитав его предательством памяти матери. С юных лет он во всем хотел идти против воли отца. Вопреки воле отца, он женился на девушке весьма сомнительной репутации (весьма редкий случай в среде офицеров русского флота – *авт.*) [5]. Его жена Доминикия Гавриловна Павлова была профессиональной проституткой, поэтому официальное разрешение начальства на такой брак представить себе просто невозможно. Вероятно, П.П. Шмидт желал ее «нравственно перевоспитать», однако о действительных результатах данного эксперимента нам судить трудно. Тем не менее Доминикия Гавриловна Шмидт оказалась хорошей и любящей женой, и их брак до 1905 г. был, в общем, счастливым. У них родился сын Евгений.

В 1886 г. П.П. Шмидт закончил Петербургский морской корпус и получил звание мичмана. Однако прослужил он совсем немного. В том же году он добровольно оставил военную службу по состоянию здоровья. Вскоре, из-за безденежья, благодаря протекции высокопоставленного дяди Шмидт возвращается флот. Мичмана Шмидта направляют на крейсер «Рюрик». По случайному стечению обстоятельств именно на этом крейсере в 1906 г. эсеры готовили убийство Николая II. На «Рюрике» Шмидт задержался недолго, получив назначение на канонерскую лодку «Бобр». В 1897 г. ему было присвоено очередное звание лейтенанта. Затем П.П. Шмидт по состоянию здоровья уходит в отставку в звании капитана 2-го ранга.

Началось плавание П.П. Шмидта на коммерческих судах. Капитаном, скорее всего, он был высококвалифицированным, так как известно, что адмирал С.О. Макаров предполагал взять его в свою экспедицию к Северному полюсу. Не вызывает сомнений, что морское дело П.П. Шмидт страстно любил и знал.

В начале русско-японской войны 1904–1905 гг. его призвали на воинскую службу и назначили старшим офицером на большой угольный транспорт «Иртыш», который должен был следовать вместе с эскадрой адмирала З.П. Рожественского. Кстати, за неумелое управление судном З.П. Рожественский посадил П.П. Шмидта на 15 суток в каюту под ружье. Вскоре эскадра вышла в направлении Дальнего Востока навстречу Цусиме, но Шмидт заболел и остался в России.

К началу восстания «Очаков» вернулся с учебного плавания. Команда была уже неспокойной, и известные своей революционностью матросы

А.И. Гладков, Н.Г. Антоненко и Р.В. Докукин, а также кондуктор С.П. Частник волновали ее вопросами установления в России народовластия [8]. По возвращении «Очакова» в Севастополь волнение среди команды еще более усилилось, т.к. до нее дошли слухи о возмущении севастопольского гарнизона. Капитан 2-го ранга Писаревский с целью уменьшения волнений, собрал матросов после ужина и стал им читать о героях русско-японской войны. Однако команда слушала его плохо. Тем не менее ночь прошла спокойно. 12 ноября на мачте в дивизии подняли позывные «Очакова» и сигнал «прислать депутатов», то есть революционеры из взбунтовавшихся воинских частей требовали от «очаковцев» присоединиться к ним. Это очень сильно взволновало команду, которая по-своему истолковала этот сигнал, решив, что над матросами флотской дивизии чинят расправу. Команда потребовала направить депутатов в Севастополь, для того чтобы узнать, что там происходит. В 11 часов утра на мачте дивизии вновь подняли сигнал с тем же призывом. Матросы Р.В. Докукин и А.И. Гладков стали кричать, что надо ответить на позывные дивизии и послать депутатов, что «там режут людей». Все попытки лейтенанта Винокурова воздействовать на команду успеха не имели. Тогда старший офицер разрешил послать двух депутатов в дивизию. Для этого матросы выбрали А.И. Гладкова и Р.В. Докукина, которые вместе с мичманом Городыским отправились в город. Во флотской дивизии они никого не нашли и пошли в Брестский полк, где в этот момент шел митинг. По дороге в полк они встретили ехавшего на извозчике арестованного мятежными матросами коменданта крепости. Шедшая вокруг повозки толпа кричала: «Своим судом!». На митинге в полку депутаты увидели большое количество матросов и солдат [8]. Там были выдвинуты и требования, в основном сводившиеся к улучшению условий прохождения службы, амнистия для политических заключенных, вежливое обращение с нижними чинами, увеличение жалования, отмена смертной казни и т.д. А.И. Гладков и Р.В. Докукин переговорили с матросами, узнали их требования и, убедившись, что ничего плохого с ними не происходит, вернулись на крейсер.

Команда стала успокаиваться, но часть матросов продолжала ее волновать, предлагая немедленно исполнить требования. Матрос Чураев прямо заявил лейтенанту Винокурову, что он убежденный социалист и что на флоте много таких, как он. В 17 часов был получен приказ командира: «Кто, не колеблясь, стоит за Царя, пусть остается на корабле. Кто не желает иметь Его или сомневается, то те могут сойти на берег» [8].

Этот приказ был объявлен утром 13-го ноября после поднятия флага. На вопрос капитана 2-го ранга Соколовского «Кто за Царя?» команда ответила: «Все!», а на приказ выйти вперед тем, кто за мятеж, не вышел ни один человек. Тем не менее глухое волнение среди команды продолжалось. В то же время на «Очаков» с другого корабля эскадры приехал офицер, который сказал, что если «Очаков» еще раз ответит на сигналы мятежников из гарнизона, то по нему будут стрелять. На это матрос Чураев ответил: «Ну что ж, пусть стреляют».

Матросы решили продолжить сноситься с берегом. Около 14 часов 13 ноября на «Очаков» приехали с берега два депутата. Командир «Очакова» попытался не дать им встретиться с матросами, но команда его не слушала. Депутаты сказали матро-

сам, что на стороне восстания весь Брестский полк, крепостная артиллерия, Белостокский полк и другие воинские подразделения. Такая информация была сильным преувеличением, но она оказала на команду решающее воздействие. Депутаты призвали матросов поддержать восставших. Команда ответила утвердительно. Тогда офицеры решили покинуть крейсер, что они и сделали, переехав на крейсер «Ростислав».

После спуска флага на «Очаков» приехал капитан 1-го ранга Сапсай с флаг-офицером. Сапсай держал перед командой «Очакова» речь, убеждая ее прекратить мятеж. В конце речи он потребовал, что бы те, «кто хочет служить верой и правдой Государю Императору вышли вперед». Вновь, как и в первый раз, вперед вышла вся команда. Тогда Сапсай потребовал, чтобы были выданы те, кто не хочет служить дальше. Команда ответила, что служить хотят все. Однако в то же время кто-то из команды спросил: «А как наши требования?». Сапсай ответил, что они будут направлены в Петербург и там рассмотрены. Матросы просили Сапсая, чтобы офицеры вернулись на крейсер. Сапсай сказал, что офицеры вернутся только в том случае, если команда даст честное слово не участвовать в мятеже и слушаться своих офицеров. Матросы обещали. Окрыленный Сапсай поехал на «Ростислав» и сказал офицерам, что они могут возвращаться. Офицеры вернулись и потребовали от матросов сдать бойки от орудий. Команда уже хотела вернуть бойки, но какой-то человек отчаянно крикнул: «Оружия не отдавать – ловушка!». Матросы отказались отдавать бойки, и офицеры вновь уехали на «Ростислав» [9].

Как только офицеры вторично покинули крейсер, перед матросами выступил кондуктор¹ С.П. Частник, который сказал, что он уже 10 лет как «поклонник идей свободы» и предложил свое руководство, на что получил согласие команды.

Тем временем, офицеры, надеясь успокоить команду эскадры, решили направить со всех ее кораблей депутатов в мятежный Севастополь. Это было безусловной ошибкой, т.к. свидетельствовало о слабости офицеров, которые как бы разрешали начать переговоры с бунтовщиками. В 8 часов утра 14 ноября депутаты вышли на пристань. Перед тем, как идти в гарнизон, они решили сначала заглянуть к П.П. Шмидту, чтобы спросить у него совета.

Данный момент чрезвычайно интересен: кто-то таким образом умело пропагандировал Шмидта, иначе трудно объяснить, почему матросы пошли именно к нему. Тот встретил матросов очень приветливо. Прочитав их требования, он разразился длинной речью с критикой существующего в России государственного строя, говорил о необходимости Учредительного собрания, в противном случае Россия погибнет. Таким образом, он умело подменил наивные и в целом несущественные требования матросов политической программой революционных партий. К тому же П.П. Шмидт заявил, что он – социалист и что надо искать офицеров, симпатизирующих революции, из них выбрать командиров, а остальных арестовать. Когда все команды примкнули к восстанию, он возглавит флот и пошлет Государю Императору телеграмму, в которой объявит, что флот перешел на сторону революции. Однако, как

¹ Чин «кондуктор» присваивался боцманам, исправляющим ответственные должности, обязательно грамотным и способным заменить на боевых постах офицеров.

только депутаты ушли от него, Шмидт, переодевшись в форму капитана 2-го ранга, поехал на «Очаков» и самовольно вступил в командование крейсера [9].

Собственно, с упомянутого момента можно уже говорить об открытом выступлении против царского правительства. К полудню 15 ноября в руках восставших было 12 кораблей, экипажи которых считывали более 2200 человек (броненосец «Св. Пантелеймон», крейсер «Очаков», минный крейсер «Гридень», минный транспорт «Буг», канонерская лодка «Уралец», эскадренные миноносцы «Заветный» и «Свирепый», миноносцы «№ 265», «№ 268», «№ 270», учебные суда «Днепр» и «Прут»). На мятежных кораблях были подняты красные флаги. Численность восставших на берегу достигла 6 тыс. человек. С «Очакова» была направлена телеграмма царю с требованием немедленно созвать Учредительное собрание и заявлением, что флот перестает повиноваться царскому правительству.

В городе революционные патрули арестовали около 100 офицеров. 25 офицеров, прибывших на переговоры на крейсер «Очаков», арестовали и взяли в заложники.

В результате нерешительности «Севастопольского комитета РСДРП», где преобладали меньшевики, восставшие были изолированы. Власти подтянули к Севастополю до 10 тыс. войск, привели в боевую готовность артиллерию всех кораблей и батарей крепости. Восставшим был предъявлен ультиматум о капитуляции, но революционные корабли отвергли его и вступили в неравный бой. От огня корабельной и крепостной артиллерии крейсер «Очаков» получил значительные повреждения, многие моряки погибли. Как только началась артиллерийская стрельба, арестованные на «Очакове» офицеры бросились из кают-компания, часовой сделал три выстрела, которыми убил одного кондуктора, ранил другого и прострелил руку командиру броненосца «Пантелеймон» [10].

Через 1,5 часа боя оставшиеся в живых покинули корабль. П.П. Шмидт с 16-летним сыном и матросами перешел на миноносец «№ 270» и при высадке на берег был арестован. Обстрел казарм дивизии продолжался вечером и ночью, утром верные правительству части взяли казармы штурмом [6].

В итоге было арестовано свыше 2 тыс. человек. Расправа была жестокой. Черноморский военноморской суд под председательством адмирала Чухнина приговорил лейтенанта П.П. Шмидта, матросов А.И. Гладкова и Н.Г. Антоненко, кондуктора С.П. Частника к смертной казни через повешенье, которое было заменено расстрелом и приведено в исполнение 6 марта 1906 г. на острове Березань, близ Очакова. Кроме того, 14 человек получили бессрочную каторгу, 103 человека разные сроки каторжных работ, 151 человек был направлен в дисциплинарные части, более 1000 человек наказали без суда.

Участь Шмидта.

Нашъ севастопольскій корреспондентъ телеграфируетъ, что приговоръ военнаго суда надъ Шмидтомъ подтвержденъ, и, можетъ-быть, теперь этого человека, сыгравшаго такую выдающуюся роль, уже не существуетъ на свѣтѣ. Напрасно было общественное движеніе въ пользу замѣны смертной казни надъ нимъ другимъ, болѣе мягкимъ наказаніемъ. Мольба общества осталась безъ результата и не дошла до сердца людей, отъ которыхъ зависѣло смягчить участь Шмидта. Передавали, что гр. Витте склонился въ пользу смягченія, но, видимо, его голосъ слабъ.

Тяжелое время мы переживаемъ. Миліонѣ общества, которое въ другихъ государствахъ является силой жизненной и воздѣйствующей, у насъ оказывается лишнимъ и ненужнымъ, — на него не обращаютъ вниманія. Безъ него обходятся и въ ошибкахъ имъ общественныхъ явленій не нуждаются. Долго такъ продолжаться, конечно, не можетъ...

СЕВАСТОПОЛЬ, 5-го марта.

(Отъ нашего корреспондента).

Весь день 2-го марта ожидалась резолюція адмирала Чухнина по кассационной жалобѣ защитника Балавинскаго по дѣлу Шмидта. Резолюція послѣдовала 3-го вечеромъ. Кассационные поводы оставлены безъ уваженія. Приговоръ суда утверждёнъ. Для Шмидта повѣшеніе замѣнено расстрѣляніемъ. Вчера капоперская лодка «Терекъ» повезла въ Очаковъ утвержденный приговоръ, а также лицъ, которымъ поручено привести его въ исполненіе.

Рис. 4. «Русское слово», № 63, 1906 г.

Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе революционного крейсера. Черноморский крейсер «Кагул» (бывший «Очаков», переименован 25 марта 1907 г. — *авт.*) нес боевую нагрузку на протяжении всей Первой мировой войны в составе Черноморского флота и охотился за немецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», обстреливал турецкое побережье, ходил в разведки, прикрывал минные постановки и сам ставил минные заграждения, топил турецкие торговые суда. После революции «Кагул» 31 марта 1917 г. стал снова легендарным революционным крейсером «Очковым» [3]. Однако красный флаг на крейсере опять поднялся ненадолго. 1 мая 1918 г. крейсер был захвачен немцами и включён в состав ВМС Германии на Чёрном море. Затем 24 ноября 1918 г. его включили в состав англо-французских войск. После в сентябре 1919 г. переименованный в «Генерала Корнилова» (как флагман белого флота) он был зачислен в состав морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. врангелевцы увели его в Бизерту, где

29 декабря 1920 г. корабль был интернирован французскими властями.

В Бизерту прибыла советская делегация, которая осмотрела все корабли и отобрала наиболее новые для буксировки в Чёрное море. Крейсер «Генерал Корнилов» к тому времени в строю был уже 23 года. Комиссия приняла решение отправить его на металлолом. 28 октября 1929 г. крейсер, носивший в разное время названия «Очаков», «Кагул» и «Генерал Корнилов», был продан французами на металлолом. В 1933 г. революционный крейсер «Очаков» во французском порте Бресте был разобран на металл [3].

Давайте же посмотрим на непосредственного участника восстания – вахтенного начальника И.А. Сазонова.

Иван Алексеевич Сазонов родился 16 апреля 1881 г. в Орловской губернии в семье крестьянина.

После смерти родителей в возрасте трех лет мальчик остался круглым сиротой. Он воспитывался у родственников и обучался грамоте в сельской школе. Несмотря на желание продолжить обучение, крестьянский мальчик-сирота не имел такой возможности. В результате Иван занимался сельским хозяйством в деревне и работал, как пишет Сазонов, «...частично на железной дороге» [1]. Скорее всего, это были разные мелкие путевые должности.

После призыва в 1902 г. новобранца Ивана Алексеевича Сазонова распределили служить в 32-ой флотский экипаж, находившийся в городе Севастополе. Сначала его обучали строевой ходьбе и званиям всех чинов Российского Императорского флота. Однако, помимо устава, присутствовали и занятия грамотой. И.А. Сазонов вспоминает об императорском смотре 32-го флотского экипажа и подготовке к нему.

Рис. 3. И.А. Сазонов среди матросов крейсера «Очаков»

После смерти вице-адмирала П.С. Тыртова в 1903 г.² главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря становится вице-адмирал Н.И. Скрыдлов³.

И.А. Сазонов отмечает, что при адмирале Н.И. Скрыдлове «...никаких изменений в сторону ухудшения матросов не происходило». Более того, новый командующий при осмотре города Севастополя приказал убрать постыдное объявление: «Вход на бульвар собакам и матросам строго запрещается!». В начале 1903 г. для матросов флотского экипажа была устроена новогодняя елка, каждому выдали по кульку подарков. Кроме того, для нижних чинов были устроены танцы, даже разрешалось приглашать на праздник знакомых из города.

Несмотря на благожелательное отношение высшего начальства условия матросской службы оставались крайне тяжелыми. Далее представим слово Ивану Алексеевичу: «...обращались с нами строго и нередко подвергались мы избиению, у нас в 32-ом флотском экипаже был ротный командир: штабс-капитан по адмиралтейству Рахильский (офицеры, служившие по адмиралтейству, считались на Российском Императорском флоте «вторым сортом», т.к. не принадлежали к выпускникам элитного Морского корпуса – *авт.*), который старательно избивал матросов новобранцев руками по лицу, был такой случай, мы обучались на Куликовом поле (местность под Севастополем – *авт.*) и один новобранец попал к Рахильскому в немилость, Рахильский бил новобранца саблей не вынимая из ножен, а как палкой и злобно кричал на новобранца: ух ты плебейская кровь». И.А. Сазонов пишет, что в тот момент он тоже испытал обиду: «...мне становилось ясно что – Рахильский называет плебейской кровью всех новобранцев, так как мы все новобранцы дети крестьян, бесправные» [1].

По окончании начального обучения в марте 1903 г. матросов привели к присяге, выдали им бескозырки, ленточки и кокарды, и распределили по специальностям. И.А. Сазонова сначала направили в машинную команду, а затем в школу строевых квартирмейстеров. Теперь он официально назывался «молодой матрос». Впервые со «старыми матросами» он познакомился в апреле 1903 г. в военно-морском госпитале во время лечения. Там же состоялось его первое прочтение нелегальной литературы. Собственно, вот впечатления «молодого матроса» от прочитанного: «...хитрая механика, где рассказывается, как царь со своими министрами обкрадывают народ, листовки о забастовке в Одессе матросов торгового флота, сведения о стачках рабочего движения и другие» [1].

После выписки из госпиталя в июле 1903 г. И.А. Сазонова направили снова учиться на крейсер «Память Меркурия» в школу строевых квартирмейстеров. На крейсере тоже были весьма жестокие порядки в обращении с матросами. Практически каждый день «молодые матросы» подвергались избиению «лопарем» (твердый конец просмоленной веревки – *авт.*). На новом месте службы И.А. Сазонов до мая 1904 г. изучал штурманское дело, артиллерийские, минные, машинные и прочие технические термины. Потом всю школу строевых квартирмейстеров перевели на броненосец «Двенадцать Апостолов». После морской практики на броненосце и сдачи экзаменов И.А. Сазонова снова направляют в 32-ой флотский экипаж.

Вскоре вице-адмирал Н.И. Скрыдлов отбыл командовать Тихоокеанской эскадрой во Владивосток, а его место занял вице-адмирал Г.П. Чухнин⁴.

² Тыртов Сергей Петрович (1839–1903 гг.), вице-адмирал (1894 г.), с 1899 г. – главный командир Черноморского флота и портов и военный губернатор г. Николаева.

³ Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1918 гг.), адмирал в отставке (1907 г.), главный командир Черноморского флота и портов Черного моря (1903–1904 гг.).

⁴ Чухнин Григорий Павлович (1848–1906 гг.), вице-адмирал (1904 г.), в 1904 г. назначен главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря.

Рис. 4. Вице-адмирал Н.И. Скрыдлов

В августе-сентябре 1904 г. во время больших маневров Черноморского флота вице-адмирал Г.П. Чухнин советует офицерам не заботиться о матросах и укреплять дисциплину репрессивными методами. Его бесчеловечные приказы печатаются в местной газете «Крымский Вестник» и становятся полезным материалом для разнообразной революционной агитации. Иван Алексеевич вспоминал о новом командующем Черноморским флотом: «...главный командир Чухнин почему-то особенно ненавидел матросов, по его мнению, матросы не должны ходить в свободное время в город или вообще за ворота дивизии. Он отдал распоряжение, чтобы ворота дивизии запирались на замок, а ключ находился у дежурного офицера; по окончании кампании в 1904 году большинство матросов находилось на берегу в казармах и ежедневно матросов по наряду посылали на работу в порт и на корабли, на погрузку угля и другие работы, куда потребуются, таким образом, матросы с работы возвращались грязные, по обыкновению по возвращении с работы матросы ходили в баню, а когда ворота дивизии, по указанию главного командира Чухнина, стали закрывать на замок, то свободного доступа в баню матросам не было, матросы стали волноваться» [1]. Отметим, что матросы стали волноваться вполне закономерно, нельзя, чтобы строгая дисциплина переходила в издевательство над человеком. В итоге 3 ноября 1904 г. желавшие помыться матросы сломали ненавистные закрытые ворота. На следующий день от вице-адмирала Г.П. Чухнина прислали комиссию, начались обыски, аресты и следствие.

Бесспорно, власть сама нагнетала конфликт. Командующий Черноморским флотом в своей бесконечной борьбе за строгую дисциплину ввел неудобную для матросов форму одежды и следил за ее исполнением. Все мероприятия вице-адмирала Г.П. Чухнина были благодатной почвой для деятельности революционеров.

В декабре 1904 г. появился друг-революционер и у строевого квартирмейстера И.А. Сазонова – Василий Игнатьевич Карнаухов, связанный с организацией рабочих порта и распространявший среди матросов нелегальную литературу. В.И. Карнаухов

был подшкипером, поэтому по долгу службы мог посещать порт в любое время, причем он успешно занимался своей революционной деятельностью вместе с рассыльным флотского экипажа Николаем Дмитриюковым. Распространяемая ими нелегальная литература находила в те дни среди матросов много благодарных читателей. Тем более вице-адмирал Г.П. Чухнин со своей стороны старался, как мог, увеличить количество недовольных. Непонятно, почему командующий Черноморским флотом принял решение о том, что новогодней елки для матросов в 1905 г. не будет.

К возмущенному ропоту матросов из-за жесткой дисциплины добавились разнообразные слухи о событиях 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге («кровавое воскресенье»). Однако командующий Черноморским флотом продолжал активно поддерживать дисциплину репрессивными мерами. 20 января 1905 г. по его приказу на флоте арестовали более 5 тыс. человек, которые были направлены в Севастопольскую крепость, а затем без суда как неблагонадежные переведены на Дальний Восток для службы в армейских частях [1]. Вероятно, таким способом вице-адмирал Г.П. Чухнин решил проблему пополнения немногочисленных войск Российской Империи в дальневосточном регионе в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Для агитаторов на Черноморском флоте после такой деятельности Г.П. Чухнина появилась возможность провести аналогию между действиями Николая II и его сатрапа адмирала.

На долю крейсера 1-го ранга «Очаков» в сложившейся ситуации выпала солидная доля работы революционных агитаторов. Дело в том, что корабль спешно достраивался у заводской стенки сормовскими мастеровыми, охотно объяснившими машинистам и кочегарам положение в стране: «...объясняли матросам о положении, что делается в России, как в то время надвигалась волна революции в России, происходили забастовки на фабриках и заводах, а также были крестьянские забастовки, крестьяне забирали скот у помещиков, земельные угодья, ломали постройки» [1].

И.А. Сазонов в это время ходит в караулы вместе с матросами достраивающегося броненосца «Иоанн Златоуст» и общается с рабочими порта на тему возможного совместного выступления против царской власти. В июне 1905 г. начинается восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», закончившееся поражением, а в июле И.А. Сазонов становится строевым квартирмейстером прошедшего ходовые испытания крейсера 1-го ранга «Очаков».

В августе 1905 г. командир крейсера капитан 1-го ранга Оводов выходит по болезни в отставку, его место занимает капитан 2-го ранга Глизьян, запретивший матросам общение с сормовскими мастеровыми и преследовавший нижние чины за чтение любых газет. И.А. Сазонов пишет о новом командире следующее: «...продовольствие матросов ухудшалось, доходило дело до такого положения, что даже не хватало хлеба, ранее такого положения, чтобы не хватало хлеба, никогда не было, на берег матросов отпускали очень редко, газет нам не давали читать, и мы не знали, что в стране делается» [1].

Вообще, в революционной ситуации на крейсере «Очаков» продолжали существовать жестокие порядки. Например, офицер Захаров заткнул рот шваброй пьяному матросу и измазал ему лицо грязной тряпкой. Впервые о лейтенанте П.П. Шмидте и пламен-

ных речах будущего «командира» крейсера И.А. Сазонов узнает от друга-революционера В.И. Карнаухова. 8 ноября 1905 г. во время очередного выхода в море капитан 2-го ранга Глизьян снова наказывает машинистов и кочегаров за несоблюдение формы одежды, после чего старший офицер Скаловский, чтобы успокоить команду, лично отменяет наказание. Вечером того же дня произошло еще одно событие, описанное И.А. Сазоновым: «...матросы собрались у ахтер-люка (погреб в кормовой части корабля для хранения провизии – *авт.*) и попросили у артельщика хлеба, так как на ужин хлеба почти что не давали. Услыхав командир крейсера "Очакова" Глизьян, что матросы просят хлеба, пришел к ахтер-люку и приказывал матросам, чтобы они разошлись, но матросы не расходились, а продолжали просить хлеба. Глизьян говорил, что всякое требование на корабле есть бунт, а поэтому многие из вас не увидят своих родных, из матросов слышались голоса долой командира, Глизьян услышав эти слова, ушел в кают-компанию» [1].

Наверное, подобные события и можно считать началом бунта на крейсере 1-го ранга «Очаков». Собственно, Иван Алексеевич Сазонов, как и большая часть команды крейсера, были законопослушными подданными Российской Империи. Никакие революционные мысли о переустройстве общества у строевого квартирмейстера не присутствовали. В некотором роде его сумбурные воспоминания отличаются детской наивностью. Достаточно упомянуть само сравнение вице-адмирала Н.И. Скрудлова и вице-адмирала Г.П. Чухнина как «хорошего» и «плохого» начальников. Особенно показателен момент с новогодней елкой, когда И.А. Сазонов искренне расстраивается, что она не состоялась в 1905 г., и это один из главных доводов не в пользу «плохого» начальника Г.П. Чухнина. Подобным образом сравниваются два командира крейсера «Очаков» – капитан 1-го ранга Оводов и капитан 2-го ранга Глизьян. Причем капитан 1-го ранга Оводов, с которым автор мемуаров практически не служил, только подразумевается как «хороший» командир крейсера. Кстати, в кратком пересказе восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» не прослеживается личного отношения И.А. Сазонова к такой значимой революционной вехе, изложенной в стиле энциклопедической статьи.

В воспоминаниях Ивана Алексеевича жалобы на жестокое обращение и плохое питание преобладают над политическими лозунгами. Именно в нечеловеческом отношении к матросам и кроются причины бунта на крейсере 1-го ранга «Очаков». Матросы долгое время не следовали за революционными агитаторами, а, как свидетельствует строевой квартирмейстер, «...продолжали просить хлеба».

На описание прописных истин строевой квартирмейстер переходит и в собственных мемуарах о восстании на крейсере «Очаков» и о последующем суде. Воспоминания И.А. Сазонова, конечно, ценны не общеизвестными фактами, а личными ощущениями и настроениями, связанными с событиями на Черноморском флоте в 1905 г.

Итак, наутро 9 ноября 1905 г. уже никто из команды при подъеме флага не здоровался с командиром крейсера. Вскоре прибыл военно-морской прокурор, и команда заявила ему официальный протест на действия капитана 2-го ранга Глизьяна. Через депутата А.И. Гладкова были выдвинуты мирные требования: «...заявили прокурору претензии на грубое обращение с матросами командира крейсера и плохое питание, высказали нежелание принимать уча-

стие в митингах, просили, чтобы офицеры занимались с матросами, объясняя течение государственной жизни в России» [1]. Вывод из требований напрашивается сам собой: команда крейсера 1-го ранга «Очаков» не была «революционизирована». Однако царская власть предпочитала бездействовать, а вот С.П. Частник и А.И. Гладков два последующих дня (10–11 ноября) использовали для агитации, особенно выделяя проблему плохого питания на крейсере. Дальнейшее изложение событий у И.А. Сазонова практически ничем не отличаются от официальной версии восстания, принятой в советское время.

Интересно строевой квартирмейстер описывает вторичную попытку примирения между матросами и офицерами на крейсере «Очаков» после визита на берег депутатов А.И. Гладкова и Р.В. Докукина: «...причем Докукин сказал: там ничего нету все тихо, все хорошо, требования хорошие, но жаль, что жидовка там судит (вероятно, имелась в виду национальность некоторых членов севастопольского отделения РСДРП – *авт.*), после этого матросы успокоились, офицеры вступили с матросами в беседу по поводу матросских требований, объясняли, что большая часть этих требований представлена начальству на рассмотрение» [1].

12 ноября командир корабля подал рапорт по болезни и покинул борт крейсера, что придало матросам уверенности в собственных силах. Вообще, капитан 2-го ранга Глизьян сделал все, чтобы создать угрожающую социальную атмосферу, но главное, если взялся устанавливать строгую дисциплину, то надо быть последовательным. Получается, не давать хлеба команде и угрожать ей судебной расправой можно только чувствуя свою полную безнаказанность, а в случае непредвиденных осложнений нужно покинуть крейсер. Истина в том, что командир крейсера 1-го ранга «Очаков» сам своими приказами и распоряжениями подготовил восстание и покинул корабль накануне бунта.

Следующий любопытный отрывок из воспоминаний И.А. Сазонова относится к эпизоду, когда 13 ноября старший офицер Скаловский для прекращения связи крейсера с берегом приказал вахтенному офицеру мичману Городинскому снять сигнальный фалик (приспособление для передачи флажных сигналов на флоте – *авт.*): «...когда фалик упал с шумом на мостик, комендор Антипенко, пальцем грозя старшему офицеру, кричал идите все сюда, что вы сидите, не надо давать разоружать крейсер, офицеры сами устраивают бунт, прибежало на мостик много матросов, был общий шум, которого нельзя разобрать, мало-помалу все стихло» [1].

Лучше сказать, наверное, нельзя: «...офицеры сами устраивают бунт». Плохое питание, отсутствие просвещения матросов, наконец, полное неприятие их элементарных требований, не имевших никакого политического подтекста. Та же проблема недостатка хлеба вполне могла быть решена без вмешательства вышестоящего начальства.

Надо отметить, что после происшествия с сигнальным фаликом команда снова разошлась по своим рабочим местам и не стала бунтовать.

Еще определенный интерес вызывает сообщение И.А. Сазонова о том, что с революционной биографией П.П. Шмидта после его прибытия на крейсер уже в качестве «нового командира» других матросов ознакомил уже известный В.И. Карнауков. Кроме того, Иван Алексеевич был назначен П.П. Шмидтом на офицерскую должность вахтен-

ного начальника [1]. В остальном же, как уже говорилось выше, автор мемуаров придерживается известной исторической канвы.

После подавления восстания строевой квартирмейстер в составе других нижних чинов 32-го флотского экипажа был предан военно-морскому суду севастопольского порта. В приказе главного командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Г.П. Чухнина от 12 января 1906 г. о И.А. Сазонове написано следующее: «Квартирмейстеры – Иван Сазонов, Иван Родионов, Федор Симаков исполняли тогда же обязанности вахтенных начальников, причем последние двое не разрешали нижним чинам съезжать с "Очакова"» [2]. Здесь о Сазонове даются краткие биографические сведения «...Иван Алексеевич Сазонов, родился 16 апреля 1881 года, из крестьян Орловской губернии, православный, на службе с 2 ноября 1902 г., под судом не был» [2].

Общие сведения о следствии и судебном процессе по делу бунта на крейсере 1-го ранга «Очаков» тоже позаимствованы И.А. Сазоновым из советской революционной литературы. Для автора воспоминаний судебный процесс закончился благополучно. Вероятно, он не принимал активного участия в боевых действиях против правительственных войск, поэтому оказался среди десяти нижних чинов, оправданных «за недостатком свидетельств». Вот что он пишет сам: «Как только прочитали резолюцию суда, оправданных вызвали поближе подойти к заседанию Суда, председатель Суда высказал нам напутствие и выпустил в другие двери» [2].

Получается, что судебный процесс не имел целью обязательные репрессии по отношению ко всей команде крейсера. Напомним, И.А. Сазонов исполнял в период восстания должность вахтенного офицера на крейсере и был оправдан.

19 февраля 1905 г., т.е. в день вынесения приговора, строевой квартирмейстер в последний раз видел своих революционных товарищей: «Через некоторое время всех приговоренных судом вывели из здания суда, они стояли окруженные усиленным конвоем, я подошел к ним, чтобы попрощаться с товарищами, но меня к ним вовнутрь конвоя не пустили, я прощался с ними только словами и передал им имеющуюся у меня незначительную сумму денег» [2].

Отметим, что сцена казни «очаковцев» тоже позаимствована И.А. Сазоновым из официальных источников. Вот так достаточно легко для Ивана Алексеевича закончилась история с восстанием на крейсере 1-го ранга «Очаков» и последующим судом над его участниками.

Примечательно, что дальнейшая судьба Ивана Алексеевича до 1917 г. сложилась вполне благополучно. Естественно, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г.П. Чухнин приказал расформировать остатки команды крейсера 1-го ранга «Очаков», а всех бывших под судом разжаловать. В результате уже не строевой квартирмейстер, а матрос 2-й статьи И.А. Сазонов среди 35 нижних чинов крейсера «Очаков» был направлен в 37-й флотский экипаж в город Николаев, где, отслужив положенный срок срочной службы, осенью 1906 г. уволен в запас. Затем он вернулся в родную деревню Орловской губернии под неофициальный полицейский надзор, т.е. был взят на заметку как «политически неблагонадежный». Свою «неблагонадежность» он подтвердил только в конце 1915 г., когда его аре-

стовали и заключили под стражу «за агитацию против империалистической войны» [2].

В 1917 г. И.А. Сазонов поступает на работу во Всероссийский земский союз, в отдел помощи населению, пострадавшему от войны, после он работал заведующим мельницей в Подволочиске. С 16 февраля 1919 г. по 5 февраля 1933 г. занимал разные должности в системе Ливенского райсовхоза Орловской губернии. В период 1933–1952 гг. И.А. Сазонов был участковым агрономом Верхнехавской машинно-тракторной станции, после чего 20 мая 1952 г. ушел на пенсию. Умер Иван Алексеевич в 1970 г. [1].

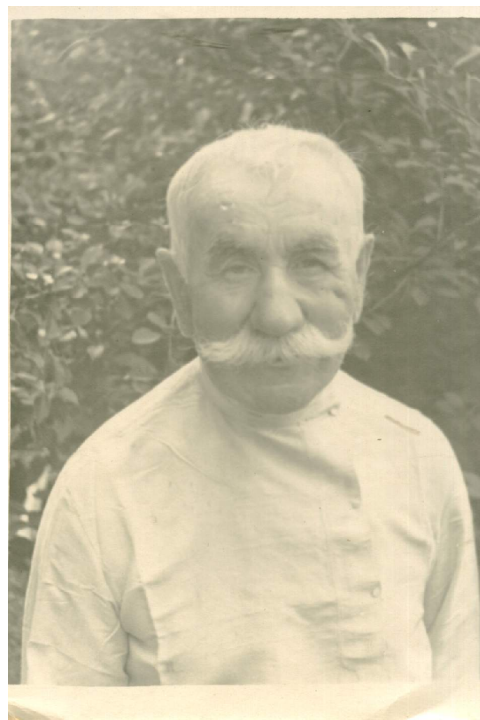

Рис. 5. И.А. Сазонов, пенсионер

Отдельная история произошла у И.А. Сазонова с назначением ему пенсии. Начнем с того, что Воронежский облисполком отметил заслуги бывшего строевого квартирмейстера перед революцией назначением ему решением № 724 от 16 сентября 1960 г. персональной пенсии местного значения в размере 600 руб. в месяц [1]. Интересно, что после выдачи пенсионного удостоверения № 1532 от 27 октября 1960 г. отделом социального обеспечения Верхне-Хавского района Воронежской области поощрения государства для Ивана Алексеевича Сазонова закончились [1].

И.А. Сазонов сохранил отношения со многими «очаковцами», тоже готовившими мемуары. Интересовался в своих письмах здоровьем одного из лидеров восстания И.Е. Уланского, пользовался его заслуженным уважением [2]. Особенно бывший строевой квартирмейстер дружил с Василием Игнатьевичем Карнауховым. Вот письмо В.И. Карнаухова, адресованное И.А. Сазонову, от 7 сентября 1962 г.: «Дорогой Иван Алексеевич! ...Приглашаю Вас с супругой в Москву, где прочитаю Вам интересный материал о героях и предателях 1905 г. Ваши Карнауховы» [2]. Именно В.И. Карнаухов взялся хлопотать о всесоюзной пенсии для Ивана Алексеевича. Кстати, борьба за пенсию союзного

уровня развернулась серьезная. Иногда создается впечатление, что доказать свое участие в восстании на крейсере «Очаков» И.А. Сазонову было трудно. Как подтверждение приведем письмо В.И. Карнаухова от 1 августа 1963 г.: «...До сего времени я не получил из Одессы от Уланского справки о Вашей работе и борьбе на Черноморском флоте, а без этой справки ничто не получится. Так мне объяснили в Министерстве обороны... Я решил поехать в Ленинград, может быть, там что-либо в архивах разыщу... Ваши Карнауховы» [2]. И вскоре в мае 1964 г. продолжение истории с оформлением пенсии: «Все документы и газеты переданы очень давно в Министерство обороны т. Гришанову (скорее всего, чиновник из Минобороны – *авт.*), но я уже устал, никак не могу попасть к нему» [2].

Из переписки с В.И. Карнауховым получается, что пенсии союзного значения И.А. Сазонов так до конца жизни и не добился. Создается какое-то странное ощущение: герой Первой русской революции 1905–1907 гг., участник восстания на легендарном крейсере «Очаков», причем участник не рядовой (вахтенный начальник, назначенный самим лейтенантом П.П. Шмидтом) – и не получает союзной пенсии.

Вообще, в биографии Ивана Алексеевича после событий ноября 1905 г. есть несколько нелогичных моментов. Как уже рассказывалось ранее, на суде по результатам бунта на крейсере он был оправдан и практически не пострадал. Нельзя же считать за серьезное наказание разжалование из строевых квартирмейстеров в матросы 2-й статьи мстительным и педантичным вице-адмиралом Г.П. Чухниным. Обратите внимание, он даже не был переведен в разряд штрафованных (по крайней мере, в мемуарах упоминание об этом отсутствует), что в Российском Императорском флоте практиковалось за куда меньшие провинности.

После чего И.А. Сазонов спокойно дослуживает в городе Николаеве, возвращается в Орловскую губернию и, состоя под негласным надзором полиции, не проводит никакой революционной деятельности. Возникает вопрос: «А где же карьерный рост перспективного молодого революционера?». Не считать же антивоенную пропаганду в конце 1915 г. бурной революционной деятельностью! Ни для кого не сек-

рет, что в то время количество недовольных Первой мировой войной в российском обществе постоянно увеличивалось, а ненадолго арестовать в такой ситуации негласного поднадзорного за неосторожные высказывания обычная полицейская практика. Получается, бывший строевой квартирмейстер считался недостаточно опасным.

Допустим, что при царской власти И.А. Сазонов не хотел сотрудничать с революционерами, но после 1917 г. кому как не ему можно было выделиться из общей массы людей, особенно опираясь на свой заслуги в период Первой русской революции. Надо признать, что головокружительной карьеры в советское Иван Алексеевич Сазонов, несмотря на свое славное революционное прошлое, не сделал. Может, сказало оправдание на суде по делу «очаковцев» или не слишком активная революционная деятельность после 1905 г. Собственно, И.А. Сазонов не занимает никаких значимых партийных постов даже на местном уровне.

Наконец, еще несколько странностей, прежде всего, как уже упоминалось выше, – неопубликованность воспоминаний героя восстания на «Очакове» (подготовленных только в 1955 г.) ни во время его жизни, ни после его смерти. В период существования СССР подобные рукописи без публикации долго в редакциях не залеживались. Возможно, автор сам не хотел этого, а может, были и другие причины. В связи с этим представляет интерес тот факт, что В.И. Карнаухова так и не дождался от И.Е. Уланского справки о революционной деятельности И.А. Сазонова на флоте. Ведь в Министерство обороны в доказательство участия строевого квартирмейстера в восстании были переданы только архивные документы (наверное, из Ленинградских архивов) и газеты времен «очаковского» бунта.

К сожалению, многие странности из жизни строевого квартирмейстера Ивана Алексеевича Сазонова после бунта на крейсере «Очаков» раскрыть не представляется возможным из-за неполноты документальных источников. Однако можно предположить, что они начинаются с весьма мягкого приговора военно-морского суда города Севастополя по факту его участия в «очаковских событиях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 1771. Оп. 1. Д. 2. Лл. 2–20.
2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 1771. Оп. 1. Д. 4. Лл. 1–9.
3. Крестьянинов В.Я. Крейсера Российского Императорского флота 1856–1917 / В.Я. Крестьянинов. – СПб., 2003. – Ч. 1. – С. 77–82.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1975. – Т. 12. – С. 111.
5. Манвелов Н.В. Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота / Н.В. Манвелов. – М.: Яуза, 2008. – С. 299.
6. Мельников Р.М. Крейсер «Очаков» / Р.М. Мельников. – Л., 1986. – С. 175.
7. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
8. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 1025. Оп.2. Д. 40. Лл. 11–15.
9. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 1025. Оп.2. Д. 45. Лл. 17–27.
10. Селянчев А.К. Флот под красным флагом революции / А.К. Селянчев. – М., 1983. – С. 21–24.